

ПРЕДИСЛОВИЕ

Когда я услышал, что книгу Джереми «*Я верю в любовь*» собираются экранизировать, меня это очень взволновало. Джереми я знаю с 2002 года, когда мы впервые выступали вместе на фестивале *Сop Dios*. Я очень переживал, зная, насколько сильным может стать этот фильм, рассказывая новой аудитории историю проявления благодати Господа.

Но если быть до конца откровенным, я слегка тревожился за него. Когда в 2017 году вышел фильм *I Can Only Imagine*^{*}, повествующий о моей жизни и обо всех непростых вещах, результатом которых стала эта песня, я не представлял, насколько тяжелым опытом это станет для меня и моей семьи. Немного пугающе и в чем-то даже унижительно видеть свою жизнь на большом экране. Актеры играют тебя, твою семью и твоих друзей. Они произносят ваши слова и совершают поступки, которые совершали вы — и хорошие и дурные. У вас есть возможность вновь пережить самые удивительные моменты своей жизни, но также вы видите ее худшие моменты, выставленные на всеобщее обозре-

^{*} В России фильм вышел под названием «Можно только представить» (прим. переводчика).

ние. Позволить создателям снять защитные слои и показать всю историю, стоящую за этой песней и группой МерсуМе, стало одним из моих самых смелых поступков, которые я когда-либо совершал.

Я знаю, Джереми разделяет эти опасения и тревоги, касающиеся зрелища своей жизни на большом экране. Я знаю, как он боялся и волновался. И я буду молиться о том, чтобы Бог воспользовался его потрясающей историей, расширяя свое Царствие в душах людей.

Невозможно поверить, что целую жизнь можно уложить в два часа. Часы и часы пленки (как и моментов жизни) остаются на полу монтажной. Я взволнован мыслью, что на страницах этой книги вы познакомитесь с деталями жизни Джереми, которые по тем или иным причинам в фильм не вошли.

История того, как Джереми любил и потерял свою жену Мелиссу — а также радости и благословения, которым после этого наполнила его жизнь Эдриен, — самое яркое свидетельство благодати Господа. Последним желанием Мелиссы было, чтобы ее уход привел к Богу хотя бы одного человека. Музыка Джереми и то, каким прекрасным способом он рассказал ее историю, привели к вере на самом деле гораздо больше людей. И сейчас, когда фильм вот-вот появится на экранах кинотеатров по всему миру, я не могу дождаться и увидеть, как Господь распорядится им.

Барт Миллард, 2019

ПРОЛОГ

Возьми свою гитару. Я не хотел. Я не хотел иметь с музыкой ничего общего. Прошло две недели с того момента, когда Мелиссы не стало. Ей было всего двадцать один, мы были женаты лишь три с половиной месяца, когда рак яичников забрал ее у меня.

Я сидел на диване в гостиной моих родителей, один — один, как ни посмотри.

Две недели мою жизнь окутывал туман, который не желал уходить. После того, как все казалось таким ярким, наполненным смыслом, оно вдруг лишилось этого смысла. Врачи говорили, что справились с раком. Мы поженились, лелея мечту о детях, о том, чтобы трудиться вместе на благо Господа — я через свою музыку, она через женское священство и изучение Библии. Но потом возможность воплотить эту мечту начала таять у нас на глазах.

Моей Мелиссы не стало, и я спрашивал себя, где же был Бог. Я хотел молиться, но в отчаянии мои мысли были слишком далеко. Я пытался молиться, но не знал, с чего начать. Какие бы слабые, неуверенные слова я ни направлял к Богу, они словно растворялись в окружающем меня мраке.

*Действительно ли Ты слышишь меня, Боже?
Есть ли Тебе дело до наших несчастий?
Господи? Рядом ли Ты?*

Возьми свою гитару: впервые с момента смерти Мелиссы я почувствовал, что Он отвечает мне. Его слова с кристальной ясностью прозвучали в моем сердце.

Но я не хотел вновь брать в руки гитару. Я не хотел возвращаться к музыке или вообще к чему-то, что делал раньше. Когда я буду писать песни, они будут о том, что чувствует мое сердце. А сейчас оно не чувствовало ничего. Я был словно в оцепенении. Физически и эмоционально истощен. Мне нечего было сказать людям.

Нет, Господи, нет — последнее, что я хочу сейчас, это играть.

Возьми свою гитару. Я скажу тебе, что написать.

Я сдался и начал нехотя перебирать струны. Я не понимал, почему я играю, но продолжал это делать. И вдруг эмоции начали наполнять меня. Я почувствовал, как в глазах вскипают слезы. Слова — мои настоящие, подлинные мысли — пришли ко мне, и я начал произносить их вслух:

Слова рассеянные и мысли пустые
Льются из моего сердца.

Впервые за эти две недели я смог выразить то, что ощущаю:

Я никогда не чувствовал себя в таком смятении.
Я даже не знаю, с чего начать вновь.

Я быстро отыскал ручку и блокнот и вернулся на диван:

Но сейчас я чувствую, как Твоя благодать
изливается на меня, словно дождь,
С кончика каждого пальца, смывая мою боль.

ВЕРЮ В ЛЮБОВЬ

Я продолжал быстро записывать слова, пока они приходили ко мне:

Я все еще верю в то, что Ты рядом,
Я все еще верю в истину Твою,
Я все еще верю в Слово Твое святое.

Слова лились потоком, не из головы, но из самых глубин моей души:

Даже когда я не вижу, я все еще верю.

Я подбирал мелодию и записывал слова, пока негромко не пропел и не записал последние строчки:

Сокрушенный, я вижу, что на то
была воля Твоя.

Помоги мне узнать, что Ты рядом*.

Я откинулся на спинку дивана, пораженный этими словами, тогда еще не зная, как Господь воспользуется ими, чтобы через меня говорить с теми, кто, как и я, оказался покинут в тяжелый период жизни. Теми, кто нуждался в надежде. Теми, кого нужно было поощрить, позволив Богу проникнуть в самые сокровенные глубины души, к основанию самой веры, чтобы после серьезных испытаний они нашли в себе силы провозгласить: «Я все еще верю!»

Я написал «Я все еще верю» всего за десять минут.

Но на самом деле я писал эту песню всю свою жизнь.

* «I Still Believe», слова Джереми Кэмп, © 2002 Stolen Pride Music (ASCAP) Thirsty Moon River Publ. Inc. (ASCAP) (контакты на сайте CapitolCMG Publishing.com). Все права защищены. Используется с согласия правообладателя.

Глава 1

ВСЕ НАЧИНАЕТСЯ С ДОМА

Вера и семья.

Оглядываясь назад, я понимаю, что нельзя было найти более подходящего места для моего исцеления после ухода Мелиссы, чем родительский дом в Лафайетт, Индиана.

Я покинул дом и уехал в Калифорнию, чтобы посещать библейский колледж. Именно в Калифорнии я нашел свой путь в служении. Именно здесь начала развиваться моя музыкальная карьера. Именно здесь я встретил своего спутника в служении Богу и людям. Но после поминальной службы Мелиссы, когда путь, который, как мне казалось, уходил вдаль широкой и прямой дорогой, вдруг испарился, когда моя вера оказалась поколеблена так, как я и представить не мог, я знал только, что мне нужно вернуться домой.

В истории моей жизни семья и вера связаны неразрывными узами.

Мои родители дали мне то, чего сами были лишены, — христианскую семью. Уже одно это было чудом.

Представьте себе пьяного мужчину вместе с таким же нетрезвым другом, который, шатаясь, воскресным вечером приходит в церковь и отвечает на призыв к ал-

тарю принять Христа как своего Спасителя — такова удивительная история обращения к вере моего отца.

Мой отец Том — или «Медведь», как звали его друзья — бросил школу в шестнадцать, пристрастившись к алкоголю и наркотикам (позже он сдал экзамены, чтобы получить среднее образование, и закончил колледж). Он был из тех, кого принято называть «душой компании», человеком, обожавшим веселые вечеринки, и раньше он без труда вливался в них или убеждал других присоединиться.

Моя мать Тери была классической отличницей и хорошей девочкой в школе. Росла она в дружной и крепкой семье. Как у всякой хорошей студентки, у нее были свои планы и цели. Когда они только познакомились, ее уже приняли в университет Пёрдью, а встречаться с моим отцом она начала в выпускной год школы.

Их связь была из тех, о каких тайком шепчутся в коридорах — но не из разряда «лидер команды болельщиц встречается с полузащитником», а скорее «что *такая* девушка делает рядом с *этим* парнем?»

Отец тогда был по-своему обаятелен, и ей сразу понравилась та легкость, с какой они нашли общий язык. Но из-за проблем с выпивкой и марихуаной отцу не удавалось найти постоянную работу. Поэтому матери пришлось забыть о своих планах изучения дизайна интерьера в колледже и пойти работать. Вечеринки у моих родителей стали обычным делом. К тому моменту отец начал продавать «траву», поэтому можете представить себе эти вечеринки и тех, кто их посещал.

Узнав, что моя мать беременна, они переехали, и в 1975 году, вне брака, родилась моя сестра Эйприл. Появление в доме новорожденной положило конец вечеринкам, но образ жизни отца остался прежним, он все

дальше скатывался по наклонной. Запил он еще сильнее, и кроме этого, стал употреблять и продавать кокаин. И чем больше он пил, тем опаснее становился.

Спустя полтора года после рождения Эйприл у отца наступила тяжелая депрессия, он понимал, что жизнь постепенно выходит у него из-под контроля.

— Я не знаю, что со мной не так, — говорил он моей матери. — Я чувствую такую пустоту внутри. Дело не в тебе и не в Эйприл. Наркотики тоже не делают меня счастливым. Я не знаю, в чем дело.

— Может быть, стоит показаться психиатру? — спросила тогда его моя мама.

— Нет, — ответил отец. — Мне нужно поговорить со священником.

На Рождество 1976 года отец выглядел особенно подавленным. Мать даже испугалась, что он может навредить себе, но когда она попыталась утешить его, он решительно сказал: «Мне нужно пойти в церковь, прямо сейчас».

Тем вечером они ездили от церкви к церкви в поисках хотя бы одной открытой. Наконец они нашли одну, где внутри двое людей занимались музыкой. Родители зашли и тихо присели на скамью, музыканты даже не заговорили с ними, они выглядели скорее как хиппи, а не как постоянные прихожане. Какое-то время родители сидели там, пока мать не спросила отца, полегчало ли ему.

— Да, — ответил он, и они ушли.

Четыре дня спустя, в среду вечером, родители снова решили сходить в церковь.

В детстве отца время от времени брала вместе с собой в церковь наша очаровательная соседка по имени Мэб, и когда ему было одиннадцать лет, он уже почти

готов был принять Христа. Но без семьи, поощрявшей и поддерживавшей эту духовную связь, он в конце концов отделился от церкви. Когда они с матерью только начинали общаться, их разговоры касались и духовных тем в том числе, но христианство оставалось для него чем-то, о чем он думал и что в глубине души даже принимал, но не более того. Но церковное прошлое, которым он был обязан Мэб, у него по крайней мере было, и оно сыграло свою роль в том, что анализируя все происходящее, он принял решение серьезно изменить свою жизнь. Он рассматривал и другие пути, но в глубине души знал, в чем истина для него и что Святой Дух зовет его за собой и совершает внутри него незримую, но важную работу.

Что касается матери, то церковь в детстве она посещала урывками с матерью, в то время как отец оставался дома, не считая Пасхи и нескольких других особых случаев. Ее мать, моя бабушка, подарила ей книгу библейских историй, и ребенком моей матери нравилось ее читать. Но несмотря на то, что мать знала об Иисусе, тогда она не испытывала связи с Ним. В то время, как мой отец стал жертвой моды на опасный образ жизни, она все-таки была открыта к церкви, которая станет источником таких необходимых ему перемен.

Через несколько дней после Рождества отец снова сказал: «Мне нужно поговорить со священником. И я знаю, куда мы пойдем — Меб будет там».

Отец знал, где его бывшая соседка Мэб будет в среду вечером. Когда они приехали в церковь, служба только что закончилась и народ выходил на улицу. Как и ожидалось, Мэб была здесь. Когда она увидела отца, на ее лице появилась широкая улыбка. Когда отец ска-

зал, что ему нужно поговорить со священником, она представила родителей пастору. Вчетвером они сели, отец рассказал о своих проблемах и описал пустоту, которую сейчас чувствует в жизни. Пастор назвал это грехом, за который отец не раскаялся, и объяснил, что эту пустоту может заполнить лишь Христос. Отец согласился. Затем пастор заставил прочесть их обоих молитву о прощении, при этом мать молилась больше из смущения и неловкости, которую ощущала в такой маленькой группе.

После молитвы пастор выдал родителям краткий список того, что они должны сделать: официально оформить свой брак, сменить стиль одежды, подстричься и сменить круг общения.

Если необходимость завязать с наркотиками и алкоголем была очевидна, то как можно за одну ночь обрести новых знакомых, им было непонятно. Что касается одежды, то они едва могли позволить себе эту. Откуда же у них возьмется полностью новый гардероб?

Проблемы с заключением брака у отца были давно. Впервые они с его девушкой поженились, когда ему было шестнадцать, после того, как она забеременела. Но случился выкидыш; они решили, что не хотят оставаться вместе и развелись через полгода после знакомства. Несколько раз отец спрашивал мою мать, согласится ли она выйти за него, если он попросит. Она всегда говорила, что да, но он никогда не просил ее руки. Он говорил ей, что не видит в браке смысла (у него перед глазами не было достойного примера — ни в его семье, ни когда он сам слишком рано женился). Но сейчас, подумав над словами пастора о браке, он согласился.

Кроме указаний, пастор еще дал родителям Библию, и больше практической помощи, касающейся того, как же именно им изменить свою жизнь, от него они не получили.

В результате они вышли из церкви, спрашивая себя: *«Как же нам все это сделать?»*

Перемены к лучшему

Библия, которую дал родителям пастор, была версией Короля Якова. Чтение вообще давалось отцу с трудом, а этот текст был такой сложный, что матери приходилось читать ему вслух. Они продолжали беседовать о церкви, и как-то мать упомянула, что ее сотрудники на работе будут рады видеть их в своем приходе, не обращая внимания на то, как они выглядят. Отец согласился попробовать.

Они планировали посетить церковь Ассамблеи Бога первым воскресным вечером нового года — 2 января 1977 года. В тот день отец с утра помогал другу с переездом, и днем они куда-то отлучились.

Когда мать была готова идти, она позвонила отцу.

— Ты где?, — спросила она его.

— Я в мексиканском ресторане.

Она знала, что он был в единственном заведении в округе, где продавали пиво по воскресеньям.

— Вы что, пили?

— О, совсем немного.

Когда отец пришел забрать ее в церковь, они с другом были уже навеселе, смеялись и рассказывали, как славно посидели. И выпили они, конечно, больше, чем «совсем немного». Мать начала плакать. С той ночи, когда она и отец вдвоем молились в церкви, куда хо-